

Татьяна
Абиссин

Фэй Родис

A romantic illustration of a young man and woman in a ballroom. The woman has long, flowing blonde hair and is wearing a voluminous, light purple ballgown with lace-trimmed sleeves. The man has dark hair and is wearing a dark red velvet jacket over a white shirt. They are embracing each other, with the man's hands on the woman's waist. The background shows a dark, ornate ballroom with a balcony and a bright light source creating a starburst effect in the upper left.

АЗАЛИЯ,
КОРОЛЕВА СЕРДЕЦ
книга первая

Татьяна Абиссин

Азалия, королева сердец. Книга 1

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Абиссин Т.

Азалия, королева сердец. Книга 1 / Т. Абиссин — «ЛитРес: Самиздат», 2018

В королевстве существует легенда о девушке необычайной красоты, рождающейся раз в поколение. Те, кто её увидел, уже никогда не смогут забыть. Но счастья это им не принесет. Более того, появление красавицы сулит многочисленные беды: войны, голод и разгул стихии... Азалия выросла в маленьком домике, затерянном в лесной глуши, и считала себя дочерью бедной крестьянки. Но все переменялось, после возвращения в родное гнездо молодого графа. Азалии предстоит пройти долгий путь, полный опасностей и интриг, раскрыть тайну своего рождения, и, возможно, решить исход гражданской войны...

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Глава 1. День накануне грозы	5
Глава 2. Гроза и лесная колдунья	7
Глава 3. Неравная любовь	10
Глава 4. Разоблачение	13
Глава 5. Отъезд	16
Глава 6. Два года спустя	18
Глава 7. Дочь маркиза и служанка	21
Глава 8. Битва сердца и разума	23
Глава 9. Служанка и Карл Нестер	25
Глава 10. Спасение	27
Глава 11. Кузина Ральфа де Берна	29
Глава 12. Карена де Руа	31
Глава 13. Планы барона	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Глава 1. День накануне грозы

Вы слышали о Руэсте? Это – западная часть Рофалии, одна из самых больших провинций, и, бесспорно, – самая богатая. Здешняя природа благоприятствует этому: мягкий климат и плодородная почва почти каждый год позволяют получить хорошие урожаи пшеницы и ржи, леса полны дичи, а река Лорена, полноводная и глубокая, способна накормить рыбой половину королевства.

От внешнего мира Руэст отгорожен цепью невысоких зелёных холмов. Жизнь здесь, в отличие от шумной столицы и её окрестностей, течет спокойно, размеренно. Из года в год крестьяне засевают просторные поля, косят на зиму траву, занимаются ловлей рыбы. Знать проводит свое свободное время так же, как и их предки столетия назад: осенью устраиваются охоты, летом – пикники и небольшие праздники, то у одного, то у другого соседа.

По берегам реки раскинулись небольшие деревушки. В стороне от них, на вершине холма, возвышается двухэтажное здание, сложенное из белого камня. Элегантная архитектурная постройка – родовое гнездо графов де Берн. Это имя известно почти всем в Руэсте: прошло около двух столетий с того дня, как первый из графов де Берн получил здесь имение за верную службу королю и проявленную храбрость.

За этот промежуток времени, путём выгодных браков либо покупки соседних земель, границы имения были расширены. После смерти Теодора де Берна около десяти лет назад, оно перешло по наследству его вдове и сыну. Но они редко приезжали сюда: молодой граф служил наследнику престола в столице, а его мать, Марьяна де Берн, старалась находиться, как можно ближе к любимому сыну.

Всеми делами в поместье занимался управляющий, время от времени приезжавший в столицу с отчетом. Каким же сюрпризом для него, равно как и для всех слуг, стало неожиданное возвращение молодого графа, который, к тому же, решил задержаться на несколько месяцев. В провинции каждая новость становится поводом для сплетен. В то лето не только крестьяне де Бернов, но и дворяне, жившие по соседству, долго строили различные предположения относительно внезапного приезда юного наследника.

Но очень скоро стало известно, что виной всему – политическая интрига: стареющий король Реал Четвёртый, увлекшись юной красавицей, оставил свою супругу и наследника престола. Люди, преданно служившие королеве, оказались в опале, а некоторые – даже в тюрьме. Вот почему соседи де Бернов, мелкопоместные дворяне, сначала стремившиеся снискать дружбу Ральфа, поспешно оставили его, узнав о несчастье. Никто не хотел обвинений в государственной измене.

Впрочем, юношу это меньше всего беспокоило. Весной ему исполнилось двадцать два года. Высокий, стройный, с правильными, словно вылепленными скульптором, чертами лица, и тёмно-русыми волосами, – Ральф был удивительно хорош собой.

Молодой граф мог похвастаться тысячей и одним увлечением, в котором ему не было равных: прекрасный охотник и стрелок, искусный наездник – граф де Берн снискал себе известность даже при королевском дворе. Вельможи дорожили его дружбой, потому что знали его твёрдую руку и верное сердце. Самые обаятельные девушки из знатных семей приберегали для него улыбки.

Даже сейчас, будучи практически в опале, граф де Берн мог сделать предложение любой красавице и не получить отказа. Но, странное дело, ни в столице, ни в провинции он не нашёл женщины, которой смог бы по-настоящему увлечься. Как многие, он втайне мечтал об идеале: его избранница должна быть не только красивой, но и умной, доброй, нежной. Поэтому Ральф не спешил связать себя узами брака, хотя мать постоянно намекала ему об этом. Бедная гра-

финя беспокоилась о продолжении рода, мечтала понянчиться с маленькими внуками, и, возможно, имела кое-кого на примете...

Но Ральф этого не знал и пока наслаждался размеренной жизнью в родовом поместье. Слуги, жившие в особняке, редко видели хозяина: рано утром он выезжал верхом на черном, как смоль, любимом коне Рубине, и возвращался только поздним вечером. С собой молодой человек брал только камердинера, которого привёз из столицы, и они никогда не приезжали с охоты с пустыми руками.

Так было и в тот знаменательный день, двадцать первого июня. Мужчины выехали из замка на рассвете. Небо было высоким, прозрачно-голубым, без единого облачка, на траве и невысоком кустарнике сверкали капли утренней росы.

– Однако, день будет жаркий, ваша светлость, – сказал камердинер.

Ральф придержал коня, потянув за поводья:

– Почему ты так думаешь, Тони?

– Да вы посмотрите, какое небо, господин граф. Я же в деревне родился, хоть и не здесь, а приметы знаю, – ответил Тони. – Надо бы хорошего дождя, – продолжал он, – засуха не прекращается уже три недели. Если так пойдёт дальше, погибнет рожь, а она только-только начала набирать колос... Да! – воскликнул Тони вдруг, – вы знаете, о чём говорят в замке, ваша светлость?

– Нет, и о чём же? – рассеянно спросил Ральф. Его взгляд был устремлён вперёд, на кромку зелёного леса, темнеющего вдаль, за холмом.

– Говорили, что если вы продолжите ездить на охоту изо дня в день, сбегая из родного дома, то, рано или поздно, встретите лесную колдунью.

– Вот как, – Ральф улыбнулся. – Это было бы недурно. Всегда хочется узнать свою судьбу. Может, она предскажет мне что-нибудь великое? Ну, и какая же она, твоя колдунья? Наверное, это – сморщенная старуха, покрытая черной сажей в жутких лохмотьях? Я угадал?

Тони покачал головой:

– Вовсе нет. Напротив, мне рассказывали о прелестной девушке, живущей в лесу, красавице, один взгляд которой разбивает сердца.

Лицо графа стало серьёзным:

– Колдунья, очаровывающая людей? Мне кажется, над тобой подшутили, Тони. Ты ведь здесь – новенький. Вся эта история... Так не бывает.

– Клянусь вам, сударь! Это – чистая правда! Она живёт в глубине Черного леса, вместе со своей матерью, вдовой лесника. И, хоть и редко, но все же приходит в деревенскую лавку за продуктами. Здесьние женщины не любят её и боятся, называют ведьмой; только мне кажется, они просто завидуют ее красоте. Уже несколько парней из деревни безуспешно пытались найти её дом, но...

– Это же очень интересно, Тони, – неожиданно лицо графа вспыхнуло, а в жемчужно-серых глазах сверкнул мальчишеский задор, – почему бы нам тоже не присоединиться к этим поискам? Впереди целый день. За мной, Тони!

Граф с весёлым свистом пришпорил коня и вихрем пронёсся по равнине. Слуга, покачивая головой, поспешил за ним, уже пожалев о своем необдуманном рассказе.

Целый день прошёл в бесплодных поисках. С какой надеждой они исследовали каждую лесную тропинку, поляну и просеку, встречавшуюся на пути! Всё было тщетно. Правда, Ральфу всё же удалось подстрелить двух рябчиков, и возвращались они домой не с пустыми руками. Только не нашли и следа колдуньи, повторив печальный опыт деревенских парней...

Глава 2. Гроза и лесная колдунья

Между тем приближался вечер. Длинные зыбкие тени пролегали по траве, в лесу стало сумрачно. Пора было возвращаться в замок. Так размышлял про себя Тони – он уже несколько раз пытался уговорить хозяина продолжить поиски утром, но...

– Тони, я не помню этого места, – вдруг расстроено изрек Ральф, перебивая уставшего слугу. Он остановил лошадь и с недоумением огляделся по сторонам. Вокруг была глухая чаща. Тяжёлые зелёные ветви деревьев переплетались над головой, редкие лучи солнца пробивались сквозь листву. Под ногами расстился мягкий травянистый ковер. Пахло сыростью и опавшими листьями.

Тони машинально вытер рукой пот со лба: «О боже, мы, кажется, заблудились. Этого ещё не хватало!»

– С вашего позволения, ваша светлость... Я думаю, нам нужно возвращаться назад. Ночью в лесу небезопасно. Поедем на закат солнца. Так мы быстрее всего найдём дорогу.

– Ты что, забыл, Тони, сколько мы блуждаем по лесу? Никто не поручится, что сейчас мы пойдём в верном направлении. И, похоже, собирается гроза. Нужно найти хижину, или дерево с густой листвой, чтобы переждать дождь. Вперёд, Рубин, вперёд!

Граф пришпорил уставшего коня. Тони, молча, двинулся следом. Они ехали, не произнося ни слова, около двух часов. Но лес становился только темнее и неприветливее.

– Ваша светлость!

Ральф с неохотой остановился:

– Ну, что ещё, Тони?

– У меня появилась одна мысль. Если идти наугад, мы никогда не вернёмся домой. Рисуем просто согнуть в этой чаще. Давайте я влезу на дерево и посмотрю, нет ли поблизости какого-нибудь жилища, и ...

– Отличная мысль, дружище, – оживился Ральф.

Они стояли под высоким раскидистым дубом, чья крона уходила в небо. Слуга осторожно выпрямился в седле, подтянулся и ухватился руками за нижнюю ветку. Граф покачал головой – Тони с такой лёгкостью взобрался по стволу, как будто всю жизнь только этим и занимался.

Прошло несколько минут, и он с той же лёгкостью спустился.

– Замка отсюда не видать, – огорчил графа Тони, – кажется, мы забрели в порядочную глушь. Но я видел небольшой домик примерно в десяти милях к югу. С вашего позволения, граф, я поеду впереди, чтобы указать дорогу.

Они ехали так быстро, как только позволяли им усталые лошади. Темнота всё сгущалась, хотя до ночи было еще далеко. Резкий порыв ветра заставил закачаться деревья, черную тучу прорезала ослепительная молния, и раздался оглушительный удар грома. Но дождя все не было.

Ральф с беспокойством смотрел то на небо, то на Тони. Не почудился ли ему этот домик? Да и кто вообще согласился бы жить в такой глуши! Он уже собирался окликнуть слугу, как вдруг, словно по волшебству, деревья расступились, они выехали на большую, круглую поляну.

На её краю росла высокая раскидистая сосна. В тени дерева притаился удобный, светлый домик, окружённый маленьким садом. Рядом журчал чистый ручей.

Вот и всё, что они увидели, когда сверкнула молния. Спустя мгновение первые крупные капли дождя упали на землю. Ральф и его слуга поспешили к дому. После недолгого стука в дверь, на крыльцо вышла пожилая женщина. Она встретила гостей в простом платье из грубой ткани, седые волосы были скручены в узел на затылке.

– О, Боже, кто вы такие? – воскликнула она.

– Мы заблудились, сударыня, – вежливо ответил Ральф. – Прошу вас, разрешите нам переждать грозу. Мы обещаем, что не побеспокоим вас и не причиним никакого неудобства или вреда, правда, Тони?

Но слуга вместо ответа, точно зачарованный, смотрел куда-то вглубь комнаты. Граф повернул голову и почувствовал, как у него дрогнуло сердце. Молодая девушка в простом платье крестьянки, но очень чистом и опрятном, неслышно подошла к ним. Прелестную головку охватывала узкая голубая лента, толстая русая коса была перекинута через плечо. Незнакомка улыбнулась так нежно и ласково, что Ральф на секунду забыл, где находится.

– Проходите, пожалуйста. Мама,пусти же их. Нельзя, чтобы в такую непогоду люди остались без крова.

– Благодарю вас, госпожа, – Тони поклонился так почтительно, словно перед ним была герцогиня, – ваша красота сравнима только с вашей добротой.

Девушка холодно обернулась к нему:

– Я не люблю пустых комплиментов, сударь. По-моему, это либо неискренность, либо откровенная ложь. Садитесь поближе к огню, – добавила она мягче, – а я пока посмотрю, что у нас есть на ужин.

– О, не беспокойтесь так, сударыня. Мы не голодны, – вмешался Ральф.

– Никакого беспокойства. Вы – наши гости, и я должна позаботиться о вас. Это – обязанность хозяйки.

Ральф обвёл глазами комнату. Она была не слишком большой, обставлена очень просто, и все же казалось уютной и светлой. Чувствовалось, что две женщины приложили все силы, чтобы украсить свое скромное жилище. Посредине стоял стол, покрытый вышитой скатертью, на нём – узкая ваза с полевыми цветами. Пол застилала самотканые дорожки. Несколько стульев в комнате, два кресла у камина и шкаф с посудой в углу – вот и вся обстановка.

Пока дочь хозяйки лесного домика ходила за пирогами и молоком, старушка расставляла посуду и разговаривала с неожиданными гостями.

– Да, мы давно уже здесь живём, с самого рождения Азалии. Мой покойный муж был лесничим у графа де Бёрна, после смерти супруга домик перешёл ко мне.

– А вам не страшно жить в лесу в одиночестве, в окружении диких зверей и птиц?

– Страшно? Нет, у нас в округе всё спокойно, тихо. Меня зовут Ниэла, – добавила она, подойдя к гостям, – а вас?

Тони открыл, было, рот, чтобы торжественно объявить о присутствии в скромном домишке такого важного гостя – графа и хозяина поместья. Ему думалось, что это непременно придаст весу и ему в глазах Азалии. Но Ральф толкнул слугу ногой и быстро ответил:

– Мы – охотники, госпожа Ниэла. Служим графу де Бёрну. Мое имя – Ральф, а это – мой друг Тони.

Странное дело! При упоминании имени графов Берн лицо Ниэлы нахмурилось, но она быстро справилась с собой:

– Прошу садиться за стол, господа. Всё готово.

Хотя за окном и бушевала дождь, сильные порывы ветра ломали ветви деревьев, и почти каждую секунду вспыхивали молнии, Ральф никогда еще не чувствовал себя так легко и спокойно. Может быть, потому, что он очень сильно устал за день. В лесном домике было тепло и уютно: ужин, хоть и скромный, но вкусный. Или, может, любясь молодой хозяйкой дома, он испытывал странное, непонятное и незнакомое прежде, радостное чувство.

Ральф заговорил с ней, и девушка отвечала ему без робости и смущения, свойственного простым крестьянкам.

«Она не только красива, но и умна, – думал граф, – какая редкость для крестьянки! И как жаль... Такая девушка достойна герцогской короны и бальной залы, а не лесной хижины!»

На полке у окна стояли книги, и Ральф поинтересовался, кто их читает.

– Мама научила меня чтению и письму, – ответила девушка, с любовью глядя на Ниэлу. Ральф был удивлён еще больше.

... Час спустя дождь почти прекратился, над лесом снова засинело небо. Воздух был свежим, чистым, наполненным ароматом трав. Вдали глухо гремел последний гром.

Охотники вышли на крыльцо, Азалия вызвалась показать им дорогу:

– Поезжайте по этой тропинке, никуда не сворачивая. Она пересекает Большую дорогу, которая и приведёт вас в замок. Счастливого пути!

Ральф осторожно сжал её руку:

– Азалия, я не буду предлагать ничего в благодарность за гостеприимство. Сделать это – значит обидеть вас. Но вы позволите хотя бы еще раз навестить вас и Ниэлу?

С волнением он ждал ответа, вглядываясь в бледное лицо девушки.

– Если хотите, – шепнула она.

Тут раздался резкий голос Тони:

– Пора в путь!

Словно нехотя, граф выпустил руку девушки и вскочил в седло, взмахнув напоследок шляпой в знак прощания.

* * *

– Ну, ваша светлость, что скажете? – спросил Тони, когда они, бок о бок, ехали по лесной тропе, – как вам показалась юная колдунья? По-моему, недурна, разве что немного худощава.

Ральф с изумлением посмотрел на него:

– Какая колдунья, Тони? Я встретил сегодня лесную фею, и у меня есть предчувствие, что она принесёт мне счастье.

Глава 3. Неравная любовь

Они вернулись домой глубокой ночью. Управляющий – невысокий старик с длинными седыми волосами, более сорока лет служивший семье Берн, – очень обрадовался этому, и мягко выговаривал молодому графу за безрассудство:

– Ваша светлость, вам нельзя выезжать только с одним слугой. Места здесь глухие. Конечно, о разбойниках давно никто не слышал, с последней войны, но ведь и диких зверей полно. Не дай Бог, случится с вами беда, что я скажу вашей матушке...?

– Достаточно, Сильв, – нетерпеливо оборвал его Ральф. – Лучше скажи, есть какие-нибудь новости?

– Да, ваша светлость. От госпожи графини пришло письмо.

Граф вскрыл конверт, запечатанный воском с оттиском большого льва, вставшего на дыбы, – фамильный герб де Бернов. Письмо не было длинным:

«Мой дорогой сын! В столице беспокойно, почти каждый день происходят аресты. Если бы ты знал, как я благодарю Бога, за то, что ты в безопасности. Королева с сыном были вынуждены уехать, скоро и я присоединюсь к моей повелительнице, а, потом, надеюсь, сможешь приехать и ты. Карена сопровождает меня. Эта милая девочка стала настоящей красавицей, думаю, теперь ты её даже не узнаешь. Передаю тебе поклон от неё и от всех твоих друзей. Верю, что разлука не продлится долго, и не позже чем через два месяца мы свидимся. Целую тебя.

Твоя мать, графиня Марьяна де Берн»

Ральф закрыл глаза и откинулся на спинку кресла. Разлука, изгнание... Как странно звучат теперь эти слова. Еще вчера он бы согласился с матерью, но теперь, когда жизнь наполнилась новым смыслом, счастьем, безумной надеждой...

На следующий день он встал рано, ещё до рассвета. Быстро оделся, намеренно выбрав самый простой и удобный костюм для верховой езды и длинный тёмный плащ, который, при необходимости, скрыл бы хозяина от любопытных глаз.

Тони спал, как убитый, и граф не стал его будить. Ему хотелось немного побыть одному.

Ральф, не торопясь, выехал из замка и направился к лесу. Утренние часы – самое подходящее время для охоты. Подстрелив пару куропаток, он свернул с дороги на едва заметную узкую тропку. Впервые граф волновался, отправляясь на свидание. Скромная одежда девушки, её происхождение, простая, даже, более того, бедная обстановка, в которой она жила, ни капли не смущали его: в молодости не придают внимания таким вещам. Тем более, если девушка прекрасна, как принцесса из сказки.

...Азалия стояла, прислонившись спиной к сосне. Услышав стук копыт, она подняла голову и улыбнулась.

– Какое счастливое совпадение! Вы меня ждали, Азалия? – удивился Ральф.

– Я точно знала, что вы приедете, – просто ответила девушка.

Граф протянул ей сумку с дичью:

– Это совсем напрасно, – сказала она, покачав головой. Но Ниэла с радостью приняла подарок и начала хлопотать, чтобы приготовить обед, «какого вы еще в жизни не пробовали».

...Счастливые часы бегут быстро, и вот уже заходящее солнце позолотило верхушки деревьев. Ральф попрощался с Азалией и её матерью, договорившись о встрече на следующий день. Уезжая, он несколько раз оглянулся. Азалия махала рукой ему вслед...

– Какой славный молодой человек, – проговорила Ниэла, не замечая грустного лица девушки, – жаль, что он служит графу де Бёрн, – она осеклась и с опаской покосилась на Азалию, – слышала ли она ее речи?

Но Азалия погрузилась в свои мысли: «До следующего утра еще так долго... А если он не приедет?»

Молодая девушка напрасно расстраивалась. Ральф приезжал так часто, как позволяли приличия. Они быстро привыкли быть вместе. Так прошёл месяц, другой... Ниэла, сначала с радостью встречавшая гостя, начала хмуриться, даже в её простодушном сердце возникли подозрения:

– Ну что ты целый день смотришь в окно, – спросила она как-то в обед, – такой дождь на улице, Ральф не приедет.

Глубокий вздох был ей ответом. Азалия еще ниже склонилась над рукоделием, чтобы Ниэла не увидела ее покрасневших глаз.

– Скажи мне правду, Азалия, он тебе нравится? С того дня, как вы познакомились, ты сама не своя. Послушай меня, дочка, Ральф, конечно, очень хороший, но он – простой охотник и беден...

– А я, – перебила её Азалия, – разве я – не дочь лесника? Значит, мы равны друг другу. Как же ты не понимаешь, мама, разве ты никогда в жизни не любила?

Вся кровь разом отхлынула от смуглых щёк Ниэлы, судорожным движением она прижала руку к сердцу:

– Ничего-то ты не знаешь, дочка. А я – я ничего не могу тебе рассказать, – она поспешно вышла из комнаты.

Девушка проводила её грустным взглядом, потом – наверное, в десятый раз за этот долгий день – посмотрела в окно и вскочила, вскрикнув от радости. К домику подъезжал Ральф, весь мокрый, усталый; вода так и бежала с его плаща и шляпы, но юноша улыбался. Азалия поспешно отворила ему дверь.

– Азалия!

– Ральф! О, Боже мой, как ты только решился приехать в такую погоду?

Он обнял ее и, заглянув в лицо, с серьёзностью ответил:

– Ради тебя я готов ехать хоть на край света!

– А мама говорила, что ты не приедешь... Но я сказала, что ты любишь меня и не заставишь ждать напрасно. Правда, милый?

Ральф отвёл глаза. Несмотря на угрызения совести, он так и не решился рассказать девушке правду о своём происхождении, и вот сейчас ему снова приходится лгать ей. Он боялся, что узнай Азалия правду, дочь лесника испугается, оттолкнёт его, или, еще хуже – будет держаться с почтением как слуги в замке.

«Во всяком случае, не сейчас. Зачем портить эти волшебные минуты? – подумал он, глядя в большие, полные счастья, глаза девушки, – кто знает, сколько раз мне ещё суждено её увидеть...»

Тяжелое чувство надвигающейся беды вдруг кольнуло его в сердце: войдя в комнату, он поскользнулся на гладком полу, и, пытаясь сохранить равновесие, опёрся рукой о стол. Маленькое зеркало, лежащее на самом краю, упало и разбилось на мелкие кусочки.

– Ах, не к добру это! Не к добру, – всплеснула руками Ниэла, побледнев и укоризненно качая головой.

– Ну что ты, мама, какое глупое суеверие. Я сейчас всё уберу, – улыбнулась девушка, но взволнованная Ниэла и не думала уходить.

– Простите меня, госпожа Ниэла. Я... Куплю вам другое зеркало, лучше этого.

– Вы не понимаете, что говорите, юноша, – сурово ответила вдова, – эта вещь стоила недорого, но её мне подарил один очень близкий человек. С того дня как он появился... – шёпотом добавила она, – всё идёт наперекосяк. Хорошо, что завтра я получу окончательный ответ господина барона и... – она замолчала на полуслове, испуганно оглянувшись, но, ни девушки, ни Ральфа уже не было рядом.

* * *

Спустя месяцы Азалия вспоминала этот день, как один из самых счастливых в своей жизни. Так солнце, прежде чем скрыться за горизонтом, озаряет землю своими ласковыми лучами. Но, приходит миг, – и всё погружается во тьму.

...Каким коротким показался ей день! Но наступили сумерки, и девушке осталось только грустно наблюдать, как Ральф седлает коня.

Наклонившись, он поцеловал её на прощание.

– Завтра мы снова увидимся, Ральф?

В ответ на это охотник тяжело вздохнул:

– Если бы я мог, дорогая, то обязательно, но завтра по приказу графа де Берна, я должен буду отвезти письмо. Это займёт пару дней, не больше, – добавил он поспешно, заметив, как быстро погасла её улыбка.

– Хорошо, милый, поезжай, но помни, что здесь тебя всегда ждут. Ты навек останешься в моих мыслях и сердце.

Всадник уже давно скрылся за деревьями, а Азалия все еще стояла и смотрела ему вслед, когда из дома выбежала Ниэла, держа в руках охотничью сумку:

– Где господин Ральф? Неужели он уже уехал? И о чём он только думает, забыл у нас сумку!

Новая мысль мелькнула в голове девушки:

– Мама, я завтра пойду в деревню – у нас кончилась мука и масло. Заодно отдам сумку кому-нибудь из слуг. В поместье, наверное, все знают Ральфа.

Глава 4. Разоблачение

Госпожа Рентис, высокая дородная особа в чёрном платье, с круглым невыразительным лицом, приветливо встретила Азалию. Она была бездетной вдовой, и поэтому хозяйка лавки тепло относилась к молодой девушке и всегда горячо защищала её перед деревенскими сплетницами.

– Здравствуй, дорогая моя! Как здоровье твоей матушки? Ты так давно не приходила...

– Благодарю вас, всё хорошо, – улыбнулась в ответ Азалия, – как вы поживаете?

Госпожа Рентис, проворно отвешивая муку и сахар, ответила:

– Да уж, грех жаловаться. Когда приехал молодой граф, потребовалось больше продуктов. Торговля идёт полным ходом, ведь всем известно, что у матушки Рентис самый лучший товар!

– Ах, я и забыла совсем, – спохватилась Азалия, – госпожа Рентис, вы не могли бы передать в замок эту сумку? Мы нашли её в лесу, судя по гербу, её потерял кто-то из слуг графа...

Лавочница хитро улыбнулась:

– Так, значит, нашли? Ну, ладно, я отправлю сумку дворовым мальчишкой. А ты, Азалия, хотела бы посмотреть на молодого графа? Он – редкий красавчик, и, если бы я была хоть на двадцать годков помоложе...

Азалия покачала головой:

– Вы забыли, госпожа Рентис, что я – всего лишь бедная девушка. Мы с графом де Берн принадлежим к разным мирам. От знатных людей лучше держаться подальше. Ничего, кроме горя и неприятностей, они принести не могут.

– Ты не права, Азалия. У меня в доме де Бернов служит подруга. Она утверждает, что в молодом графе нет ни капли высокомерия. Он добрый и щедрый хозяин, хороший человек...

Рентис хотела добавить что-то еще, как вдруг вдали послышался звук рога и лай собак.

– Что это? – испугалась Азалия.

– Разве ты не знаешь? Граф де Берн устроил охоту для своих соседей... Еще что-нибудь, Азалия? Не нужно ли соли?

– Нет, спасибо, – Азалия вынула несколько монет, положила их на стойку и направилась к выходу. Она торопилась покинуть деревню, пока было ещё рано, и никто, кроме нескольких чумазных мальчишек, не встретился ей на пути.

Ясное и солнечное утро предвещало жаркий день. Влажный после ночного дождя воздух впитал в себя ароматы трав. Азалия быстро шла через поле по узкой, едва заметной тропинке, наслаждаясь одиночеством и тишиной.

Поднявшись на пригорок, она увидела, что земля изрыта копытами лошадей, и вспомнила слова лавочницы.

«Рентис буквально очарована богатым и щедрым хозяином этих земель. Но она ошибается. Разве знатные люди умеют любить? Им принадлежит всё: и леса, и поля, у них есть золото, но за все надо платить. Ни один лорд не сможет жениться по любви на девушке, не принадлежащей к его кругу. Лучше быть бедной, но самой распоряжаться своим сердцем».

Ветви деревьев сомкнулись над её головой, вдали тревожно прокричала птица. И вдруг совсем близко от Азалии донесся слабый стон, прерванный ржанием лошади.

Девушка сошла с тропинки и раздвинула густые кусты. Ей открылась шокирующая картина: под деревьями, на траве лежала женщина в зеленой бархатной амазонке, она была в обмороке, а рядом, в нескольких шагах, била копытами красивая пегая лошадь.

Нельзя было медлить ни минуты. Лошадь могла убить незнакомку. Бросившись к женщине, Азалия схватила её за руки и с трудом оттащила в сторону, затем стала расстёгивать платье, чтобы облегчить дыхание.

Спустя несколько мгновений знатная дама пришла в себя:

– Что ты делаешь? Не смей меня трогать! – женщина обожгла её презрительным взглядом.

– Я лишь хотела помочь вам, сударыня! – смутилась Азалия, но ее слова заглушил топот копыт.

– Лира, дорогая, с вами все в порядке? Вы не поранились? О, Боже! – этот голос показался девушке знакомым, но, обернувшись, она не сразу узнала высокого дворянина в роскошной одежде.

«Этого не может быть!»

Азалия отошла на несколько шагов, не сводя с него глаз; граф сильно смутился, но Лира, приподнявшись, тут же протянула к нему руки:

– Ах да, помогите же мне встать, дорогой граф! Орлянка – резвая лошадь, я так сильно упала... А эта негодная девчонка решила воспользоваться моим обмороком, чтобы ограбить меня!

Азалия стояла, как громом поражённая. Она с мольбой посмотрела на графа, надеясь, что он вступится за неё, но Ральф только отвёл глаза и помог подняться знатной даме.

– Это неслыханно! – возмущенно повторила Лира, – моё ожерелье, ещё немного – и эта девчонка, эта нищенка украла бы его! Вы должны посадить её в тюрьму за воровство, я требую этого!...

Азалия не могла дальше слушать оскорбления, она повернулась и побежала прочь, не разбирая дороги. Ветви хлестали её по лицу, она падала и вновь поднималась, не чувствуя ни усталости, ни боли от ушибов и царапин... Боль разбитого сердца душила гораздо сильнее.

Впервые в жизни она столкнулась с предательством и ложью. Граф посмеялся над её любовью, а знатная дама унизила и оклеветала её. Девушке казалось, что её жизнь кончена.

* * *

Ральф медленно подъехал к изгороди и спрыгнул на землю. Азалия не вышла ему навстречу, как бывало обычно, Ниэлы тоже нигде не было видно, и он встревожился:

– Азалия, госпожа Ниэла! Где вы?

Тихо отворилась дверь. Азалия, бледная как статуя, появилась на крыльце домика. Её прекрасные глаза потемнели и были полны слёз, руки бессильно повисли вдоль тела, но только никакое горе не могло отнять у неё сияние красоты. Она скорбно посмотрела на графа, потом поклонилась – низко, до земли.

– Что это значит, Азалия?

– Это значит, что я приветствую, как подобает, знатного и богатого господина, графа, – его светлость Ральфа де Берна.

Он шагнул вперёд, чтобы обнять её, но девушка холодно отстранилась.

– Что вы делаете, господин граф? Разве вы можете коснуться руки нищенки, на которую несколько часов назад брезговали даже смотреть?

Ральф опустил голову:

– Я очень виноват перед тобой, – глухо промолвил он. – Мне нужно было сказать правду с самого начала. Но я скажу сейчас, Азалия. Клянусь тебе, я люблю тебя, и никогда не намеревался оскорбить тебя, унижить или обидеть...

– Приберегите слова для другой, ваше сиятельство, – ответила девушка. – О, Ральф, – вдруг воскликнула она, – ты даже не представляешь, как я страдала, сколько слёз пролила! Но я благодарю Бога, за его милость ко мне: наши отношения не зашли слишком далеко. Прощайте, господин граф, мы никогда более не увидимся. Прощайте навсегда, – повторила она, глядя ему в глаза.

Ральф пытался подобрать ответ, но, взглядевшись в её побледневшее лицо, вдруг понял, что, ни уговоры, ни уверения в любви больше не подействуют. Он повернулся и пошёл прочь, склонив голову, и не видел последнего, полного тоски, взгляда девушки.

Глава 5. Отъезд

Ниэла быстро поднялась по ступенькам и распахнула дверь:

– Азалия, где ты? У меня важные новости... О, Боже, что случилось?

Девушка лежала на кровати, бессильно вытянув руки. Глаза её были закрыты, и только слабое дыхание говорило, что она еще жива...

– Девочка моя, что с тобой? Ты заболела?

– Нет, мама, – ответила Азалия, – я... у меня такое горе, – она глухо зарыдала. Ниэла обняла её и прижала к себе:

– Ты поссорилась с Ральфом? Верно? Ну, не плачь, всё будет хорошо, он ещё вернётся...

– Нет, мама, – перебила её Азалия. – Я прогнала его. Навсегда.

Ниэла присела на край кровати и взяла её за руку.

– Почему, дочка? Он – такой хороший и скромный молодой человек, правда, незнатный и бедный, но...

– Ты ошибаешься, мама. Ральф обманул нас, он – вовсе не простой охотник, а граф де Берн.

Какое странное действие оказали эти слова на старушку! Она вскочила, её нежное мягкое лицо исказил гнев, глаза засверкали:

– Граф де Берн, – прошептала она, – неужели, это он? Где были мои глаза? Но прошло столько лет, конечно же, это его сын... Так ты с ним больше не увидишься, – вдруг обратилась она к Азалии, – ты правильно сделала! Благодарю Небо за то, что оно защитило тебя, о, моя дорогая девочка, дочь моей доброй госпожи и маркиза де Резни!

Азалия непонимающе смотрела на Ниэлу:

– Мама, что с тобой? Ты бредишь?

Но у госпожи Ниэлы был такой торжественный вид: она выпрямилась, и так гордо вскинула голову, что девушке пришлось отказаться от своих подозрений:

– Нет, Азалия. Наоборот, сейчас я говорю правду, ту правду, которую скрывала от тебя все эти годы. Я – не твоя родная мать, хоть и воспитывала тебя с самого рождения. Ты – не дочь скромной вдовы лесника, ты принадлежишь к одному из самых знатных и богатых семейств нашей страны, ты – дочь маркиза де Резни!

Азалия покачала головой:

– Это невозможно, мама. Ты бредишь. Я не могу в это поверить. Какой еще маркиз де Резни?

Ниэла раскрыла принесенную с собой сумку из холщовой ткани и вынула конверт, запечатанный тремя печатями:

– Прочитай, если не веришь своей старой няне. Это письмо твоего опекуна, его светлости барона Нестера.

Удивленная Азалия взяла в руки конверт и осторожно раскрыла его. Внутри оказался листок бумаги, исписанный мелким почерком.

«Барон Нестер из поместья Нестеров в провинции Лист.

маркизе Азалии де Резни,

наследнице поместий Римердо, Роккли и Вандерм.

Моё дорогое дитя! Разрешите представиться, я – барон Нестер, ваш официальный опекун. На долгие годы вы были разлучены со мною, но я никогда не забывал о вас. Ваша матушка поручила вас, совсем крошку, моим заботам, и, я, как мог, старался выполнить её последнюю волю. Разлука была тягостной, но скоро вы займёте место в свете, подобающее дочери маркиза де Резни! Я приглашаю вас к себе и буду счастлив принять в своём родовом замке. Семнадца-

того августа вас будет ждать моя карета у старого моста. Госпожа Ниэла сопроводит вас и укажет дорогу. Приезжайте как можно быстрее, я жду вас!

Искренне Ваш барон Нестер»

Бумага выпала из ослабевших пальцев Азалии. Несколько мгновений она бездумно смотрела на пол, словно пытаясь разглядеть что-то важное. Возникшая пауза показалась Ниэле мучительной.

Наконец, девушка подняла голову и с усилием произнесла:

– Ты знала это, няня? Но почему столько лет молчала, почему?

Ниэла прошла по комнате и остановилась прямо перед ней:

– Азалия, дорогая моя девочка, я дала слово. Только так можно было спасти тебя. После смерти твоих родителей барон Нестер, твой опекун, решил, что самым надёжным местом, где можно тебя спрятать, будет поместье графов де Берн. Мой муж был лесником у старого графа, и поэтому появление здесь его вдовы с маленькой девочкой не вызвало ничьих подозрений. Я научила тебя всему, что знаю сама. Теперь ты должна завершить своё образование, чтобы стать достойной имени, которое носишь по праву рождения. А потом останется лишь вернуться в свет и составить хорошую партию.

Азалия покачала головой:

– Я ничего не понимаю, няня, – её лицо вдруг озарила новая мысль, – но если я – дочь маркиза, значит, я и Ральф равны друг другу. Мы можем, нет, мы должны быть вместе!

– Забудь об этом, – отрезала Ниэла.

– Но почему же, няня? Я ведь так сильно люблю его. И, думаю, он тоже, – тихо добавила Азалия.

– Потому что граф де Берн – твой смертельный враг. Его отец уничтожил твоих родителей, а тебя обрёл на нищету и забвение.

Азалия вскрикнула и закрыла лицо руками. Она сидела, не двигаясь, а когда, наконец, открыла глаза, они были совершенно сухими, а голос – спокойным и твёрдым:

– Хорошо, няня, я согласна ехать. Мне здесь больше нечего делать.

Глава 6. Два года спустя

Весна была поздней, снег лежал на полях до первых майских дней. Небо до самого горизонта затянули плотные серые тучи. Дул холодный, пробирающий до костей ветер, и, казалось, что везде на земле царили хаос и безмолвие.

Замок барона Нестера находился на вершине холма, далеко были видны его башни с узкими бойницами и крепостная стена, сложенная из белого камня. Примерно в миле от замка располагались деревушки, также принадлежавшие барону; за ними был лес, граничивший с владениями молодого принца Рудольфа.

Вот и всё, что барон собирался оставить в наследство своему сыну, помимо имени и титула. А ведь в молодости Рей Нестер был очень богат, благодаря наследству, полученному от отца и приданному, принесённому молодой женой. Но любовь к роскоши и привычка сорить деньгами, а также роковая страсть к азартным играм заставили его наделать долгов, в результате чего от бывших владений у него остался лишь старый замок и бедное, запущенное поместье.

Сам барон тоже изменился. Сильный и выносливый мужчина тридцать лет назад, Нестер превратился в дряхлого старика, за которым ухаживали слуги, так как барон в последние годы был прикован к постели. Но никто не мог угадать, какой могучий дух скрывался в этом немощном теле, какие хитрые замыслы вынашивал барон в своей душе!

...В комнате жарко пылал камин; стол, за которым сидел старик, был завален бумагами. Он разбирал их, одни откладывал в сторону, другие – сжигал.

Дверь за его спиной скрипнула. Он узнал мягкие шаги камердинера.

– Ну, что ещё, Рик? – недовольно спросил барон.

– Ваша светлость, – ответил слуга. – Прибыл ваш сын, господин Карл. Он хочет увидеться с вами.

Лицо барона оживилось, из-под седых бровей блеснули серые глаза:

– Наконец-то! Рик, подкати кресло поближе к огню. Я хочу его видеть сию же минуту!

Слуга выполнил его приказание и неслышно вышел. Барон не сводил глаз с двери. Когда, несколько мгновений спустя, появился Карл, он протянул ему руку:

– Сынок, как хорошо, что ты вернулся!

– Я приехал сразу же, как получил ваше письмо. Отец, вы неважно выглядите, – добавил он, – как ваше здоровье?

Лёгкая улыбка скользнула по морщинистому лицу барона:

– Очень хорошо, смею тебя уверить. Но давай ближе к делу. Ты привёз письма?

– Да, отец, – Карл вынул из сумки, висевшей на плече, толстый пакет, – вот они.

Старик погрузился в чтение. Воспользуемся этой небольшой паузой, чтобы представить нового героя. Он был очень похож на отца, вернее, на его портрет, который висел на первом этаже, в галерее замка. Такие же резкие и твёрдые черты лица, кустистые брови над холодными серыми глазами, и чёрные, как смоль коротко подстриженные волосы. Сына Нестера можно было бы назвать симпатичным, если бы не шрам, полученный на дуэли и изуродовавший правую часть лица. Карл держался уверенно, костюм, сшитый по последней столичной моде, из фиолетового бархата, с кружевной отделкой удивительно шёл ему.

– Проклятье! – воскликнул старик, бросая бумаги на стол. – Всё гораздо хуже, чем я думал.

– Что такое, отец?

– Король тяжело болен, и, может быть, не протянет и двух месяцев. Так, во всяком случае, утверждает его лекарь... Вот что, Карл, – добавил он, глядя в лицо сыну, – нам необходимо срочно помириться с королевой и её сыном.

Карл Нестер пожал плечами.

– Я не против, отец, но кто нас представит королеве? И даже если такой человек найдётся, не забывайте: есть де Берны, они точно не упустят случая рассчитаться с нами.

– Ты меня недооцениваешь, сын. Даже при дворе королевы-матери у меня есть друзья. Что же касается семьи де Берн... Об этом поговорим позже. Скоро полдень. Прошу тебя, Карл, присутствовать сегодня на обеде – я хочу представить тебе одну даму.

Карл поморщился:

– Боже мой, отец, и ради этого вы заставили меня уехать из столицы? У меня нет ни сил, ни желания выслушивать глупости и сантименты провинциальных барышень. И, тем более, знакомиться с кем-то.

– погоди, Карл, не спеши. Я хочу представить тебе леди Азалию де Резни, дочь покойного маркиза де Резни, моего близкого друга.

– Кого? – молодой Нестер широко открыл глаза от изумления. – Неужели вы говорите об этой деревенской простушке, которую вы непонятно зачем выписали из Руэста два года тому назад? Нет уж, теперь я точно не приду.

Повисла недолгая пауза. Брови барона сдвинулись, но голос был угрожающе спокоен:

– Это моё личное желание, Карл. Сегодня ты должен быть за обедом, и ты придёшь!

Его сын, вздрогнув, отступил на шаг. Он побаивался отца, хоть и пытался это скрыть, и потому, в который уже раз, поспешил признать поражение:

– Как вам будет угодно, отец. Я приду, но не ждите от меня светских бесед и комплиментов – я буду нем как рыба, – он чуть наклонил голову, в знак прощания, и вышел.

Барон насмешливо посмотрел ему вслед:

– Глупец, сам не знает, от чего отказывается. Но: или я совсем ничего не понимаю в жизни, или через месяц он будет от неё без ума.

* * *

Столовая ярко освещалась множеством горящих свеч. Слуги бесшумно скользили вдоль стола, накрытого тонкой скатертью, расставляя серебряную посуду, передвигали мебель. Затем в комнате остался лишь дворецкий и пара молодых слуг, в обязанности которых входило прислуживать за столом. Он с поклоном распахнул тяжелые двери перед бароном и его сыном.

Кресло барона вкатил камердинер. Карл расположился за спиной отца. Его лицо было хмурым и бесстрастным, тонкие губы – недовольно сжаты. В ту же минуту распахнулась дверь в противоположном конце столовой, и дворецкий доложил:

– Леди Азалия де Резни.

«Боже мой! – насмешливо подумал Карл. – Сколько церемоний, чтобы встретить бедную деревенскую девочку!»

Но с отцом были шутки плохи, и Карл медленно повернул голову на звук шагов. И вдруг замер, ослеплённый. К нему приближалась девушка в белом платье, красивая, точно сказочная фея. Длинные волосы, словно золотистая шаль, окутывали плечи, на овальном лице светились чудесные ярко-синие глаза. Азалия присела перед бароном, затем протянула руку Карлу, и тот, словно зачарованный, нежно коснулся её губами.

– Леди, – пробормотал он, – я...

Барон был явно доволен:

– Дитя моё, – обратился он к девушке, – разреши представить тебе моего сына, Карла Нестера.

Нестер низко поклонился, чувствуя на себе внимательный взгляд её пронизательных глаз, а затем, предложив руку, повёл к столу. Обед прошел в непринужденной обстановке. Вопреки своему обещанию, Карл говорил много, рассыпался в комплиментах, остроумно шутил, то и дело, обращаясь к своей красивой соседке.

Разговор зашёл о лошадях, и Карл, узнав, что дочь маркиза – хорошая наездница, предложил ей верховую прогулку:

– Я покажу вам всё поместье, все тропы в лесу. Хочу, чтобы вы чувствовали себя, как дома.

– Благодарю вас, – ответила девушка, – и вы, и ваш отец так добры ко мне.

– Я всегда мечтал иметь дочь, – с чувством сказал барон, – и эта давняя мечта, наконец, сбылась! Ну, что же, ты, Карл, ждешь, проводи леди Азалию в её покои. А я вернусь к себе – надо немного отдохнуть.

Старик провожал взглядом сына и его спутницу, пока они не скрылись за дверью, затем прошептал: «Дело, кажется, клеится. Но времени терять нельзя. Нужно сообщить госпоже Амальде, чтобы была готова встретить молодых. Но как красива эта девчонка! Словно не было этих двадцати лет, словно я снова вижу перед собой Диану!»

Глава 7. Дочь маркиза и служанка

Как и прежде, когда у неё было тревожно на душе, Азалия достала из шкатулки изящный золотой медальон на тонкой цепочке и раскрыла его. Внутри находился портрет молодой женщины в самом расцвете красоты – это была её мать, которую Азалии, увы, так и не пришлось узнать.

Когда девушка впервые появилась в замке барона, всё здесь казалось ей чужим. Платье из тонкой газовой ткани, напудренные волосы, бесконечно тоскливые уроки истории, пения, танцев, угодливые слуги, величавшие её госпожой, просторные и холодные комнаты замка... Вот на что она сменила скромный маленький домик в чаще леса, а вместе с ним – пусть, тихую и спокойную, но счастливую жизнь.

Но проходил месяц за месяцем, и прошлое затянулось дымкой, отдалилось. Дочь маркиза оказалась способной ученицей, и опекун не мог на неё нахвалиться. Она довольно быстро освоила тот небольшой курс наук, который считался необходимым для девушек из знатных семей: выучила несколько иностранных языков, научилась петь и танцевать, а что касается рукоделия и другой женской работы – то здесь ей просто не было равных. В библиотеке барона нашлось немало книг – и для развлечения, и для серьёзного чтения, – вскоре большинство из них было испещрено пометками на полях, сделанными мелким почерком.

Азалия много и с удовольствием ездила верхом, всё жившие в округе крестьяне знали её, потому что почти каждый день она приезжала в деревню, привозила продукты, старые вещи и раздавала их бедным. Барон, сначала посмеивающийся над её вниманием к бедным, предоставил девушке полную свободу.

«Она – будущая хозяйка этого поместья, – думал старик, – пусть делает, что хочет».

Всё коренным образом изменилось, когда приехал Карл. Случайно или намеренно, он попался ей на пути, куда бы девушка не пошла. Они вместе выезжали на прогулки, встречались за столом и даже в маленькой церкви, находившейся вблизи замка, она почти каждый день видела его. Со стороны они казались хорошими друзьями. Но Азалия всегда была честна с собой. Слишком гордая, чтобы выдать свои чувства, она была вежлива и любезна с сыном барона, смеялась его шуткам, слушала его бесконечные рассказы о дворе и столице, полные самого нелепого хвастовства, – но не более. Если взгляд её синих глаз и останавливался на Карле, в нём не было не единого намёка на чувство или, хотя бы, увлечение. Молодой Нестер не мог обвинить её в кокетстве – девушка была слишком горда для этого – и, возможно, впервые в жизни сын барона страдал из-за женщины.

Привыкший к лёгким победам, он был удивлён и раздосадован, что все его ухаживания оставляют Азалию равнодушной. Каждый новый день, любясь её хорошеньким личиком, слушая нежный, мелодичный голос, Карл сам не заметил, что влюбился. Он не осмеливался признаться Азалии, боясь отказа, но стремился выполнить любую её просьбу, часами раздумывая над каждым словом и жестом.

...Азалия нежно поцеловала портрет и прижала его к сердцу. «Матушка, дорогая моя! Если бы ты знала, как мне тяжело одной, как здесь одиноко... Ты знаешь, я старалась забыть его, не думать о нём, но это невозможно. Я не могу сделать того, что от меня требуют, не могу мстить Марьяне Берн и её сыну... О, Боже мой!»

Ниэла, держа в руках платье из голубого шёлка, неслышно вошла в комнату:

– Азалия, посмотри, какое красивое, просто чудо! О, девочка моя, что с тобой? Ты опять плакала?

– Всё хорошо, няня, – ответила Азалия, вытирая глаза. – Я просто...открыла медальон...и...

– Ну, успокойся, дорогая моя! Столько лет прошло! На всё воля Божья! Твоя матушка наверняка следит за тобой с небес. И все, что ты можешь сделать, – это жить так, чтобы ей не было за тебя стыдно.

Раздался негромкий стук в дверь.

– Ох, неужели уже господин Карл. А ты еще даже не переоделась! Что я ему скажу?

Азалия, вздохнув, взяла платье и направилась в другую комнату:

– Попроси его подождать, няня, я быстро.

Старушка раскрыла дверь, но вместо Нестера увидела перед собой миниатюрную девушку в простом сером платье и белом переднике. Толстая черная коса охватывала прелестную головку, на смуглом от загара лице сверкали живые чёрные глаза. Она почтительно присела перед Ниэлой:

– Добрый вечер!

– Добрый, добрый, но кто ты такая? Раньше я тебя не видела, – сказала Ниэла, плотно закрывая дверь.

– Конечно, нет, сударыня, – простодушно ответила девушка, – потому что господин барон взял меня на работу только сегодня. Я – новая горничная госпожи Азалии. Меня зовут – Жанна.

Ниэла внимательно посмотрела на неё:

– Вот как, значит. Ну что ж, пойдём, представлю тебя госпоже.

– Не нужно, няня. Я всё слышала.

Азалия появилась на пороге спальни. Нежно-голубой шарф обвивал её светлые волосы, новое платье, сшитое по последней моде, с изящной расшитой золотом накидкой, выгодно подчеркивало её красоту. Дочь маркиза ласково улыбнулась, и протянула руку смущенной девушке:

– Я рада познакомиться с тобой, Жанна. Ты очень хорошенькая.

– Вы слишком добры, госпожа, ведь я – всего лишь служанка, – ответила девушка. – Я так много слышала о вас, о вашей красоте и доброте, но даже не представляла...

Азалия помрачнела, её лицо стало серьёзным:

– Прошу тебя, не надо лести, Жанна. Порой мне кажется, что никакая я не госпожа и не дочь маркиза, и я бы всё на свете отдала – и это платье, и драгоценности, только за возможность быть свободной и счастливой.

Она поспешно вышла. Служанка с удивлением посмотрела ей вслед, а потом спросила Ниэлу:

– Я что-то не так сказала?

– Нет, ты здесь не причем. Постарайся хорошо выполнять свои обязанности, и у Азалии не будет претензий. Ой, заговорила я, а ведь собиралась сходить в церковь... До свидания, Жанна.

– До свидания, сударыня!

Как только за Ниэлой закрылась дверь, мягкое и простодушное выражение исчезло с лица служанки. Она выпрямилась и судорожным движением прижала руки к груди. Горечь, боль вспыхнули в её чёрных глазах, она прошептала: «Как же она красива! Да, настоящая красавица. Такая девушка способна покорить любого мужчину. А, если он, тоже...»

Глава 8. Битва сердца и разума

Поднимаясь по лестнице, Азалия услышала разговор двух стражников:

– Да, всё решено. Это будет завтра на Большой Северной дороге. Ну и глупец же ты! Конечно, под видом ограбления...

Заметив девушку, они замолчали и поклонились. Слегка кивнув в ответ, Азалия прошла мимо. И услышала за спиной приглушённый шёпот: «Конечно, нет. Хоть это всё из-за неё. Впрочем, у барона свои счёты с Бернами».

Девушка замерла, не в силах сделать и шагу. Она напряжённо прислушивалась, но тут вдали коридора раздались тяжёлые шаги, и разговор прервался. Карл Нестер широко улыбнулся, увидев Азалию:

– Какая неожиданность! Я как раз шёл к вам.

– Рада вас видеть, Карл. Вы проводите меня к своему отцу?

– О, с огромным удовольствием, – он поклонился.

Они медленно поднимались по лестнице. Азалия молчала, то ли погрузившись в размышления, то ли в воспоминания. Карл тоже ничего не говорил, что ему было несвойственно, но пристально смотрел на молодую девушку, будто стараясь прочесть её мысли:

– Как хорошо, что мы, наконец, наедине, Азалия. Постоянно кто-нибудь мешает, или слуги, или даже отец...

Азалия удивлённо подняла голову:

– Как, неужели, даже господин барон раздражает вас?

– Нет, конечно, нет, – спохватился Карл, – просто я хотел сказать, что счастье видеть вас, возможность слышать ваш голос, для меня драгоценна, я не хочу ни с кем вас делить. Вы так неожиданно вошли в мою жизнь, но теперь я представить себе не могу, как раньше жил на свете, не зная вас...

Он замолчал и снова взглянул на неё. Лицо Азалии было совершенно спокойно:

– Вы очень любезны, но Карл, я должна сказать вам...

– Подождите, не торопитесь с ответом, – заклинал он, – подумайте о моих словах. К вашим ногам, Азалия, я хотел бы положить весь огромный мир, но пока лишь предлагаю свое сердце и титул...

– Карл, мы уже пришли, – сказала она, останавливаясь перед большой дверью, обитой кованым железом, и мягко освобождая свою руку. Нестер умолк, увидев любопытный взгляд старого камердинера барона.

– Рик, отец примет нас?

– Конечно, господин Карл, – ответил тот, кланяясь. – Он ждёт вас и молодую леди.

Барон сидел у огня в своём любимом кресле, на коленях него была небольшая шкатулка, отделанная потускневшим серебром. Он поднял голову и широко улыбнулся гостям:

– Сынок, Азалия, проходите. Спасибо, моя дорогая девочка, что не забываешь старика.

Азалия робко присела на стул. Даже сейчас, в присутствии барона Нестера она всё еще чувствовала себя скованно, хоть и знала, что перед ней её друг, верный и преданный, любящий её, как родную дочь. Барон, от которого ничто не ускользнуло, обратился к сыну, и между ними завязалась деловая беседа, в которой девушка не понимала ни слова. Насторожилась она лишь, когда услышала, как барон произнёс:

– Всё верно, Карл. Товар повезут по Большой Северной дороге, тебе придётся их встретить. Надеюсь, у тебя всё готово?

Карл пожал плечами:

– Ну, конечно, отец.

– Могу ли я узнать, о чем речь? —спросила Азалия, улыбаясь.

Карл резко повернулся к ней, но барон ответил раньше:

– Разумеется, моя дорогая. В поместье приезжают торговцы из столицы, привезут самые разные ткани, драгоценности, благовония. Но дороги сейчас небезопасны, поэтому они просили, чтобы Карл с небольшим отрядом сопровождал их. Есть еще вопросы, моя дорогая Азалия?

– Да! Я хотела попросить вас разрешить мне завтра прогуляться верхом. Карл подарил мне чудесную лошадь, и мне не терпится её испытать.

Молодой Нестер выступил вперёд:

– Я не думаю, что это благоразумно, отец. Ведь завтра я не смогу сопровождать леди Азалию и...

Взгляд барона заставил его умолкнуть.

– Поступай, как хочешь, дорогая. Дочь маркиза де Резни никому не уступает в храбрости и ловкости, не так ли?

Азалия поклонилась.

– Мне давно хотелось, – продолжал барон, – сделать тебе хороший подарок, ведь я тебя так люблю. Надеюсь, тебе понравится, – он протянул ей шкатулку.

Азалия открыла её и ахнула, восхищённая. На черном бархате сверкала пара золотых браслетов, украшенных алмазами. Они были так прекрасны, что у девушки перехватило дыхание, на глаза навернулись слёзы.

– Что с вами, Азалия? Вам не понравилось? – воскликнул, испугавшись, старый барон.

– Нет, что вы, – едва слышно сказала она, – но это очень дорогая вещь, я не могу принять её...

Взгляд барона стал очень суровым:

– Это фамильная драгоценность Нестеров. Их носила ещё моя бабка, она подарила их своей дочери, а та – моей жене. Но я овдовел, из детей у меня – только сын, поэтому я решил подарить эти браслеты вам, моей любимой приёмной дочери. Если вы откажетесь их принять, я... Мне будет очень горько, Азалия... – он замолчал и умоляюще посмотрел на нее. Девушка порывисто вскочила и обняла старика. Мягкий золотистый локон коснулся морщинистой щеки.

– О, как мне благодарить Вас? Вы столько сделали для меня, – воскликнула девушка.

– О чём ты говоришь, дорогая? Но если ты действительно хочешь доставить мне радость, пожалуйста, надень их на вечер, который я устраиваю через две недели, хорошо?

Азалия кивнула и взяла шкатулку. Ласково попрощавшись с бароном, и кивнув его сыну, она вышла.

Карл проводил её тяжёлым взглядом:

– Что это ещё за вечер, отец? – нахмурился он, – по-моему, у нас не так много денег, чтобы сорить ими или устраивать балы.

Барон с презрением взглянул на него:

– Право, можно подумать, что ты – не мой сын. Я собираюсь объявить о вашей помолвке, глупец, с леди Азалией, и официально представить её как дочь и наследницу маркиза де Резни.

Серые глаза Карла сверкнули, на бледных щеках вспыхнул румянец. Не говоря ни слова, он схватил руку отца и поцеловал её с чувством сыновей благодарности, может быть, впервые вспыхнувшей за все эти годы.

Глава 9. Служанка и Карл Нестер

Подарок барона привёл Ниэлу в восторг, не говоря уже о служанке. Жанна, с горящими глазами, не отводила взгляда от браслетов и повторяла:

– О, какая же вы счастливая, госпожа! Какая прелесть! Какая красота!

Азалия казалась печальной, слушая простодушные слова девушки. Ниэла заметила это:

– Может, ты устала, дочка?

– Нет, няня, со мной всё в порядке. Я только не могу понять, почему барон сделал мне такой дорогой подарок? Она любит меня, и всё же...

Ниэла пристально взглянула на неё:

– Неужели ты не догадываешься, дочка? Но об этом все знают, вплоть до последнего слуги в замке...

– Но о чем же, няня? – нетерпеливо спросила Азалия. – Говори, прошу тебя!

– Да ведь господин Карл влюблён в тебя, – сказала старушка, улыбаясь, – так что браслеты – это свадебный подарок.

Азалия машинально захлопнула шкатулку. Её взгляд остановился на лице служанки, и, если бы слова няни не так сильно бы подействовали на неё, она бы заметила, как внезапно побледнела Жанна, как засверкали её черные глаза. Девушка отступила назад и стала перебирать оборки передника, стараясь скрыть овладевшие ею чувства.

– Вот в чём дело, – прошептала Азалия.

– Ну, конечно. И, сказать по правде, грех – желать лучшего жениха. И богат, и знатен, и как тебя любит, наконец, он – сын барона Нестера, друга твоего покойного отца, и твоего опекуна. Он прекрасно образован, умён, ловок, настоящий кавалер, а если не слишком красив собой – так с лица не воду лить...

– Помолчи, няня, – оборвала её Азалия, – я должна всё обдумать. Пожалуйста, оставьте меня одну. Я устала и хочу лечь пораньше.

Жанна рада была уйти, но Ниэла, любившая поболтать, огорчилась. Хотя старой няне пришлось умерить свой пыл и подчиниться. Погасив огонь, Азалия подошла к окну. На западе собирались тучи, дул сильный ветер, но в её душе была ещё более опасная буря. Она страшилась признаться самой себе, что давно уже ждала подобного. Итак, Карл не сегодня – завтра сделает ей официальное предложение. По-видимому, никто не сомневается в ее согласии, даже няня.

Азалия грустно усмехнулась: как же плохо Ниэла знала свою воспитанницу! В её сердце жил один единственный человек, чьё имя она боялась произносить вслух, с которым она была навеки разлучена. Память перенесла её назад, в маленький домик в лесу. От того счастливого времени у неё остался лишь серебряный браслет с гербом де Бернов, который она сохранила в своей шкатулке, вместе с медальонами матери и важными документами. Даже Ниэла не знала об этом.

Азалия глубоко вздохнула. Завтра у неё будет целый день, а сейчас она слишком устала. Девушка быстро сняла пышное платье, распустила золотистые волосы и через десять минут уже спала крепким сном.

* * *

Карл проснулся со странным чувством: ему показалось, что в комнате кто-то есть. Вокруг царил темнота. Приподнявшись, Карл протянул руку, чтобы взять колокольчик и вызвать слугу, но столик был пуст.

– Эй, здесь есть кто-нибудь?

– Да, – ответил ему печальный женский голос.

– Тогда зажгите свечу, – приказал младший Нестер.

Чья-то тёплая рука скользнула по его лицу:

– Зачем нам свет, милый? Разве ты не узнаешь меня?

Он почувствовал жаркий поцелуй на своих губах, и, протянув руку, обнял девушку:

– Неужели это ты, Жанна? Как ты попала сюда?

Ответом ему был тихий смех.

– Твой слуга спит, дверь была открыта. Карл, я так хотела тебя увидеть, – страстно воскликнула она, – скажи, ты не забыл меня, нет? Ты по-прежнему любишь свою Жанну?

– Ну, конечно, – сразу же ответил он. – Как ты можешь сомневаться?

В доказательство он снова поцеловал её, но девушка лишь вздохнула:

– Почему же ты не приходил? Я узнала, что ты вернулся ещё месяц назад, и всё ждала, надеялась, а тебя всё не было. Моя тётя служит здесь, она сказала мне, что молодой госпоже нужна горничная. Господин барон взял меня на это место.

Наступило неловкое молчание. Карл раздумывал, как бы половчее выпутаться, а Жанна, затаив дыхание, ждала ответа.

– Мне ещё говорили, будто бы ты и Азалия, – робко сказала она, – ну, в общем...

– Какая чушь, – рассмеялся Карл, – милая моя крошка, я люблю тебя всем сердцем и никогда ни на кого не сменяю. Успокойся же и забудь об этом.

В его голове неожиданно за короткие минуты, что они были здесь вместе, созрел коварный план. Жанна была умной и ловкой девушкой, ей не составит труда завоевать расположение хозяйки. Может быть, она станет даже компаньонкой Азалии, и через неё он узнает все тайны гордой неприступной красавицы. «В конце-концов, – подумал он, – Жанна очень миленькая, для служанки, конечно. Похоже, я недурно проведу время до свадьбы».

Глава 10. Спасение

Утро выдалось серое и холодное для июня: низкие серые тучи скрывали небо, моросил мелкий дождь. Азалия раскаялась в своей поездке: в лесу каждый куст, каждое дерево стряхивало на неё ледяную влагу, а её бархатная синяя амазонка и шляпа с вуалью была плохой защитой от сырости. Девушка медленно ехала по узкой тропинке, свободно откинувшись в седле и опустив поводья. Добравшись до высокого холма, за которым начиналась роща, примыкавшая к владениям принца Рудольфа, она остановила Ласточку.

Азалия выбрала это место по двум причинам: во-первых, здесь всегда было тихо, так как замок и деревни находились на десять миль севернее, а девушке хотелось побыть одной; во-вторых, и это главное – у неё возникали смутные подозрения, которые, увы, не смогли развеять учтивые недомолвки барона.

Не то, чтобы девушка не верила своему опекуну: старик так заботился о ней, окружил её теплом и вниманием, словно настоящий отец, но всё же... И вот, выбрав для себя укромное место за валунами, среди деревьев, она приготовилась ждать.

«О, если бы я любила Карла! Как всё было бы хорошо. Он мне нравится – это правда, но это совсем другое... И всё же я смогла бы отдать ему свою руку в знак обручения, если бы была уверена, что это была воля Небес, что мои покойные родители одобрили бы меня. Но, удивительно, каждый раз, когда я молюсь об этом, моё сердце сжимает холод... Взгляд Карла и даже его улыбка меня пугают, как будто что-то внутри предупреждает об опасности...»

Но что за глупые страхи! Дочь маркиза де Резни должна быть выше этого. Она обязана оставаться примером мужества и твердости. Если я сомневаюсь в верной руке друга, то как мне выполнить другую, более сложную и священную миссию, которую возложила на меня судьба? Карл любит меня, я уверена в этом, так что же мне за дело до всего прочего! Пора забыть детскую любовь и её обманы! Муж и защитник, верный и преданный друг – вот что необходимо мне. Если Карл сделает официальное предложение, то возможно, я отвечу «Да!»

...Громкие крики, топот копыт, ржание лошадей прервали её мысли. Азалия подняла голову и увидела всадника, который во весь опор скакал к лесу. Его преследовали разбойники – по крайней мере, так Азалия могла назвать людей в грязной одежде, с небритыми зловещими лицами и оружием в руках. Возглавлял погоню высокий человек в маске верхом на жеребце.

Беглецу оставалось до леса каких-то несколько метров, когда раздался выстрел, его лошадь упала замертво. Незнакомец быстро справился с шоком, вскочил на ноги, схватил сумку, и бросился к лесу, когда один из головорезов снова выстрелил. Азалия увидела, как несчастный схватился за плечо и упал. Преследователи огласили воздух громкими криками. Но их радость была преждевременна: юноша был лишь ранен. С трудом он поднялся на ноги, и, шатаясь, скрылся за деревьями.

Азалия с ужасом следила за этой сценой. Забыв обо всём, испытывая сострадание к несчастному, она быстро вскочила в седло и бросилась в ту сторону, откуда доносился звук шагов. Страшное ей предстояло зрелище: на мокрой земле лежал человек, раскинув перед собой руки. Куртка заляпана грязью, на плече расплывалось пятно алой крови...

Азалия быстро спрыгнула на землю и осторожно перевернула раненого. Подавленный крик вырвался из её груди, она отшатнулась, с ужасом глядя на лежащего у её ног. Ей было так знакомо это бледное, искажённое страданием лицо; сколько раз она видела его в своем сне...

– Ральф, о Боже, это он, – глухо простонала девушка.

Сердце заколотилось часто и быстро. В этот миг в ней боролись две женщины – Азалия и дочь маркиза де Резни. Первая с болью смотрела на своего любимого, которому грозила смертельная опасность, вторая думала о клятве мести, о своих родителях, погибших когда-то из-за предательства де Берна.

Слабый стон заставил её очнуться. Быстрым движением, накинув вуаль на лицо, она склонилась над раненым, ловко перевязав рану своим белым шарфом.

Ральф открыл глаза:

– Что со мной? Кто вы? О, как больно...

– Потерпите, сударь, ещё немного. Вот и всё. Обопритесь на меня, вставайте скорее, прошу вас...

Он с трудом поднялся: в лице не было ни кровинки, и только усилием воли заставил себя не терять сознание.

– Удержитесь ли вы в седле? – не дожидаясь ответа, она свистом подозвала Ласточку. Умное животное спокойно стояло, пока, наконец, Ральф не оказался верхом. Азалия легко вскочила сзади и обняла его руками:

– Доверьтесь мне, сударь. Я спасу вас. Вперёд!

Во всей конюшне барона не было более быстрой лошади, чем Ласточка. Она помчалась стрелой, несмотря на двойную ношу, и вскоре крики преследователей остались далеко позади.

Дорогу Азалия знала хорошо: за несколько месяцев она верхом объездила всё поместье Нестера. Беспокоил её лишь Ральф, он тяжело дышал, наклонив голову, то и дело, теряя сознание. Если он умрёт, во что превратится её жизнь? Азалия старалась не думать о прошлом, моля Небо только об одном: чтобы Ральф остался жив. Что такое разлука, может быть вечная, по сравнению со смертью!

«Мой любимый, прошу тебя, не сдавайся. Ральф, дорогой мой!»

...Лес кончился. Девушка увидела широкую реку, служившую границей между имением Нестера и молодого принца. На берегу сидели два рыбака, рядом с ними на воде покачивалась лодка. Девушка направила к ним свою усталую лошадь:

– Скорее, доставьте графа де Берна в особняк его высочества. Вот вам за труды, – она бросила к ногам рыбаков увесистый кошелек.

– Графа де Берна мы перевезём и бесплатно, – сказал один рыбак, – но что с ним случилось, милостивая леди? Он ранен?

Азалия следила за тем, как мужчины осторожно переносят Ральфа в лодку, потом сняла с себя плащ и уложила его на дно.

– Осторожней, благодарю вас, друзья. Граф де Берн сам всё расскажет, – она повернулась, чтобы уйти.

– Пойдите, – раздался вдруг голос, от которого Азалия вздрогнула, – скажите мне, кто вы? Я хочу знать имя женщины, которая спасла мне жизнь.

Рыбаки оттолкнули лодку от берега, и, уносимая течением, она поплыла прочь. Ральф, собрав все силы, прислушивался, и ветер донёс ему ответ:

– Мадемуазель де Резни.

Это было последнее, что он запомнил. Небо, река – всё поплыло перед его глазами, и он впал в беспамятство.

Глава 11. Кузина Ральфа де Берна

Всю ночь его преследовал один и тот же сон: бешеная скачка, звуки выстрелов, крики, угрозы, и, когда казалось, что всё потеряно, что надежды больше нет, появлялась незнакомка. Её голос, нежное прикосновение рук, лёгкую походку он видел отчётливо, но лицо было скрыто чёрной вуалью...

Ральф открыл глаза. Была полночь, нежный лунный свет сквозь открытое окно проник в комнату. Обстановка была незнакомая, но роскошная: молодой граф лежал на широкой кровати под балдахин, укрытый лёгким атласным покрывалом. У изголовья стоял небольшой круглый стеклянный столик с серебряным кувшином, а за ним в кресле спала девушка. Её лицо показалось Ральфу смутно знакомым, но он тут же разочарованно вздохнул: она не была феей из его снов.

Юноша пошевелился, и боль в плече окончательно привела его в чувство.

– Карена! – позвал он.

Девушка вздрогнула:

– Что случилось? О, Ральф, неужели... Тётя, тётя Марьяна, проснитесь же, Ральф пришёл в себя!

Шёлковый занавес, отделявший спальню от другой комнаты, раздвинулся. Ральф услышал знакомые шаги и спокойный, как всегда, голос матери произнёс:

– Карена, позвони, пожалуйста, чтобы принесли свечу, – она склонилась над подушкой, вглядываясь в бледное лицо сына, – наконец-то! Слава Богу!

Марьяна де Берн никогда не была красавицей, даже в молодости, а сейчас она, к тому же, располнела. Но сколько любви и ласки светилось в её карих глазах, с какой заботой и нежностью она сжала руку сына! Целую неделю он был без сознания, на грани жизни и смерти, и сейчас она заплакала от счастья, услышав его голос.

Карена, вернувшаяся со свечой в руке, почувствовала себя лишней. Она тихонько встала за спиной госпожи де Бёрн, так, чтобы видеть своего двоюродного брата. Но, кто знает, от какого чувства вспыхнули её щёки, и о чём она думала в тот миг!

– Но мама, где я? – спросил Ральф, когда первая минута радости миновала. – Это же не наш дом.

– Нет, сынок. Её величество была так добра, что распорядилась оставить тебя в своём поместье и сразу же послала за нами. Врач запретил тебя перевозить, пока ты не поправишься.

Наступило молчание. Ральф напряжённо всматривался в потолок, стараясь пробудить память, потом тяжело вздохнул:

– Но, что произошло?

Две женщины переглянулись:

– Мы надеялись узнать об этом от тебя, – раздался нежный голос Карены, – неужели ты ничего не помнишь?

Ральф дружески улыбнулся ей:

– Рад снова видеть тебя, сестрёнка, и... спасибо большое за заботу. Уверен, что ты каждую ночь дежурила здесь.

– О чём ты говоришь, Ральф? Разве я позволила бы служанке, наёмнице, ухаживать за своим кузенком, человеком, который после моей тёти для меня дороже всего? – запальчиво сказала она, но спохватилась, – оставим это. Скажи нам, что ты помнишь...

Она не успела договорить – дверь открылась, пропустив личного врача принца:

– Теперь я ручаюсь за его выздоровление, – сказал он, осмотрев раненого. – Но графу нужен покой и сон. Ваша светлость и вы, сударыня, прошу вас, дайте ему отдохнуть, а поговорить можете завтра.

* * *

В комнате ярко пылал огонь, рядом с ним в кресле сидел Ральф, рассказывая историю своих злоключений:

– Две недели назад герцог*** дал мне важное поручение к его величеству. Он предупредил меня, что бумаги, которые я везу, могут стоить жизни не только мне, но и многим достойным людям, если попадут в руки врагов. Я выехал из столицы инкогнито, ночью, в одежде простолюдина, останавливался только в дешёвых гостиницах. Но, по-видимому, нас предали. Чтобы сократить путь, я поехал прямо через поместье барона Нестера, хоть мы с ним и не в хороших отношениях. На Северной дороге была устроена засада, но мне повезло, я объехал лесом опасное место, и, когда меня заметили, я был на пути к поместью принца. Меня преследовало около десяти человек, наверно, обычные бродяги, нанятые за горсть золота, но ими командовал дворянин – он был в маске. Когда до спасительного леса оставалось совсем немного, мою лошадь убили, я был ранен. Остальное помню плохо: я потерял сознание от раны, помню лишь женщину, которая склонилась надо мной...

– Женщину! – воскликнула, не сдержавшись, Карена. Ральф и его мать одновременно с удивлением посмотрели на неё.

– Да, женщину, что тут такого? Удивительно другое: эта женщина, словно амазонка из легенды, помогла мне сесть на лошадь, поддерживала меня, когда я терял сознание, словом, спасла мне жизнь. Я помню только две нежные белые руки с драгоценными кольцами на тонких пальчиках, стройную фигуру, и её ангельский голос, звуки которого до сих пор переполняют мое сердце сладостной музыкой...

Ральф закрыл глаза, отдавшись приятным воспоминаниям, и не видел, каким гневным, испепеляющим взглядом, одарила его кузина. Молчание нарушила госпожа де Берн:

– Но ты, хотя бы, знаешь её имя? За кого мне молиться за спасение единственного сына?

– Да, – ответил Ральф. – Она назвалась мадемуазель де Резни.

– Как ты сказал? Де Резни... – Марьяна вскрикнула, схватилась за сердце и упала без чувств.

После четверти часа суеты и волнений графиня пришла в себя, отослала служанок, и, не слушая полных беспокойства вопросов сына и племянницы, погрузилась в тяжкое раздумье.

– Мама, ты должна мне всё объяснить. Что это за тайна, которую ты скрываешь уже много лет? Почему даже при дворе принца при упоминании этого имени все замолкают?

Графиня встала:

– Не сегодня. Я очень плохо себя чувствую, и мне нужно многое обдумать. Я пойду к себе, Карена, ты со мной?

Девушке очень хотелось поговорить с кузеном, но она не рискнула противоречить Марьяне и послушно вышла, кивнув ему напоследок.

Глава 12. Карена де Руа

– новая графиня де Берн?

Карена де Руа была дочерью младшей сестры графини де Берн – Орелин. Карене недавно исполнилось двадцать лет, и она находилась в расцвете красоты. Высокая, стройная, девушка двигалась с удивительной грацией, мягкие рыжеватые волосы обрамляли свежее личико и упругими локонами ложились на плечи.

Светло-карие глаза обычно скромно потуплены, но когда она их поднимала, таинственный свет её взгляда проникал в сердце. Одним словом, это была одна из самых красивых женщин при дворе королевы-матери, и Карена прекрасно сознавала это. Как часто, по ночам в своей маленькой комнате она рисовала себе пленительные картины блестящего будущего: балы, праздники, королевскую охоту и многое другое. Чем более волшебными были её мечты, тем печальнее казалось ей настоящее...

Карена в задумчивости остановилась перед зеркалом, пристально рассматривая своё отражение. Ей было двадцать лет, и самый придирчивый критик, пожалуй, не нашёл бы изъянов ни в стройной фигуре, кокетливо вырисовывающейся под лёгкой ночной рубашкой, ни в тонких белых руках с красивыми маленькими кистями, ни в овальном лице с большими светло-кариими глазами, которые в минуту гнева казались черными. Прекрасные рыжие волосы, освобождённые из-под сетки, которую девушка надевала днем, тяжёлыми прядями рассыпались по спине и плечам.

Но что это? Карена с глухим стоном отвернулась от зеркала и упала на кровать. Крупные слёзы катились по ее щекам, но не приносили облегчения. Этот день, день выздоровления Ральфа, которого она так ждала, причинил ей столько горя!

«Итак, всё кончено, – думала она, – я никогда не стану графиней де Берн. Сердце Ральфа для меня потеряно, потеряно!»

Чтобы понять её чувства, вернёмся назад, заглянем в прошлое. Карена, как мы уже упомянули, была дочерью Орелин, младшей сестры графини де Берн. Непохожие внешне друг на друга, они были разными по характеру и склонностям. Не слишком красивая, спокойная и рассудительная Марьяна не могла найти общий язык с привлекательной, полной задора и обаяния, хоть и подчас легкомысленной Орелин.

Их жизненные пути скоро разошлись: старшая сестра вышла замуж за своего ровесника и друга, графа де Берна, и уехала из столицы, Орелин же всегда была окружена поклонниками и блистала на балах, но не торопилась связать с кем-либо судьбу. Её красота, остроумие быстро снискали известность, и она с лёгкостью смогла сделать самую блестящую партию. Родители сами всё решили за неё: Орелин была предназначена в жёны одному богатому князю, близкому к королевской семье, а то, что он уже не молод, и далеко не красив собой, никого не тревожило. Орелин пришла в ужас: жених внушал ей полное отвращение. За несколько дней до свадьбы девушка сбежала из дома, чтобы тайно обвенчаться с молодым капитаном де Руа.

Трудно описать, что случилось, когда семья узнала об этом браке. Пренебречь прекрасной партией и дочерним долгом, выйти замуж за человека без титула и состояния! С этого дня Орелин вычеркнули из памяти родных, словно её никогда и не существовало. Только Марьяна вспоминала о ней и жалела свою несчастную сестру.

Через несколько лет началась война. Капитан де Руа погиб в первом же сражении, почти ничего не оставив в наследство вдове и маленькой дочери. Орелин оказалась в нищете. Горе и болезни сократили её жизнь, никто бы не смог узнать в этой угрюмой женщине, большой чахоткой, прежней обаятельной девушки. Маленькую Карену она привела в дом её тётки, и вскоре навсегда покинула этот мир.

Марьяна дала клятву позаботиться об осиротевшей девочке и сдержала её. У Карены были лучшие платья, игрушки, а потом – учителя. Графиня не делала никакой разницы между сыном и племянницей, и Карена была ей очень признательна за это. Но она хорошо чувствовала свое зависимое положение: как бы тётя не была добра, она никогда не выделит состояния Карене, чтобы не ущемить интересы сына. Только девушка не завидовала Ральфу, нет, с детских лет она любила его преданной и сильной любовью. Он был её защитником, играл с ней, учил её кататься верхом и многому другому.

Прошли годы. Детская привязанность переросла в глубокую любовь, но только для Карены. Ральф как и прежде видел в ней маленькую девочку, относясь к ней очень заботливо и дружески, но не более того. И всё же она страстно мечтала стать его женой, не замечая, что перешла границу от мечты к безумию.

На её пути возникло много препятствий. Во-первых, эта женщина, которая спасла жизнь Ральфу, и в которую, судя по всему, он влюбился. Во-вторых, она не была уверена в согласии тёти: ведь граф де Бёрн мог сделать самую блестящую партию, а брак с кузиной не принёс бы ему ни состояния, ни положения в обществе. Но Карена была готова к борьбе. «Я люблю Ральфа, – повторяла она, – и не позволю другой завладеть его сердцем. Придёт день – и я стану новой графиней де Берн».

Глава 13. Планы барона

В маленькой церкви горели свечи, воздух был наполнен запахами масла и дыма. Сквозь узкие окна с разноцветными стёклами проникал свет догорающего дня, озаряя девушку в простом белом платье, стоявшую на коленях перед алтарём. По бледным щекам катились слёзы, полуоткрытые губы шептали слова молитвы, но так тихо, что то, о чем она просила, было ведомо лишь ей и Богу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.